

**Доктор Нонна
Лица**
Серия «Житейские истории»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375855
Доктор Нонна. Завидные женихи: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48872-8*

Аннотация

Когда приехала «Скорая помощь», врачи вбежали в настежь открытую дверь. На первом этаже никого не было, в доме стояла тишина. Они поднялись по лестнице и растерялись – перед ними лежала истекающая кровью молодая женщина, новорожденный младенец и мертвый мужчина.

Буквально на несколько секунд врачи замерли в бездействии, но через мгновение бросились к телам – проверять, кому еще можно помочь. Трое медиков быстро, но осмысленно делали свое дело: щупали пульс, вводили в вену препараты, шлепали молчащего младенца... Они успели: после очередного шлепка личико новорожденной девочки исказила гримаска и раздался громкий плач, а мать приоткрыла глаза.

Кричащую крошку положили на грудь приходящей в себя Лице, и первое, что увидела девушка, открыв глаза, – это ореол рыжих пушистых волос... Такой же, какой когда-то увидела ее мама.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Доктор Нонна Лица

*Обстоятельства редко меняют характер человека. Скорее, они
обнажают его суть.*

Михаил Шнеерсон

Пролог

У Лики начались схватки, но девушка не стала вызывать «Скорую», чтобы отправиться в роддом. Вместо этого она осторожно, придерживая рукой живот, пошла в сторону лестницы на второй этаж. Ей нужно было убедиться, что Роман не слышал того разговора, что состоялся между ней и гостьей несколько минут назад.

Лица шла очень медленно, пытаясь победить страх, поселившийся в ее груди. Девушка вцепилась в перила, давая себе возможность перевести дыхание, и прислушалась – со второго этажа не доносилось ни звука...

Лица поднималась по ступенькам, стараясь не обращать внимания на боль, хотя схватки становились все чаще. Наконец она, тяжело дыша, остановилась. Ей нужно было сделать последний шаг. Она знала, что через миг станет понятно, останется ли ее жизнь такой, какой была, или изменится навсегда. Девушка собралась с духом и прошла в коридор – прямо перед ней на полу лежал Рома...

Мужчина был мертвенно бледен. Лица опустилась на пол, подняла полупустую бутылку виски и, помня предупреждения врача-нарколога, прошептала: «Что же ты надедал?»

Ромочка умирал. Неимоверным усилием мужчина повернул голову к девушке и хрипло сказал:

– Я люблю тебя... И я все слышал... И я не знаю, как жить дальше... Что мы с тобой наделали? Столько смертей... Я не могу без тебя... Я слишком слаб... Помогите мне, любимая...

Изо рта Романа пошла пена. Лица, надеясь, что умирающего еще можно спасти, бросилась за телефоном, забыв про схватки. Она кричала в трубку, умоляя, чтобы тотчас на втором этаже их особняка появились люди в белых халатах и спасли ее Ромочку... Она кричала, сначала призывая на помощь, потом кричала на лежащего мужчину, уже не видя, что он мертв, а потом, когда начались потуги, кричала от физической боли.

Когда приехала «Скорая помощь», врачи вбежали в настежь открытую дверь. На первом этаже никого не было, в доме стояла тишина. Они поднялись по лестнице и растерялись – перед ними лежала истекающая кровью молодая женщина, новорожденный младенец и мертвый мужчина.

Буквально на несколько секунд врачи замерли в бездействии, но через мгновение бросились к телам – проверять, кому еще можно помочь. Трое медиков быстро, но осмысленно делали свое дело: щупали пульс, вводили в вену препараты, шлепали молчащего младенца... Они успели: после очередного шлепка личико новорожденной девочки исказила гримаска и раздался громкий плач, а мать приоткрыла глаза.

Кричащую крошку положили на грудь приходящей в себя Лице, и первое, что увидела девушка, открыв глаза, – это ореол рыжих пушистых волос... Такой же, какой когда-то увидела ее мама.

Глава 1

Нина ждала ребенка... Как ни страшно было осознавать молодой девушке, не имеющей ни родных, ни подруг, готовых помочь, что через несколько месяцев она станет мамой, но рожать все-таки придется – срок уже большой, ни о каком аборте не может идти и речи. Молодой человек, с которым так прекрасны были жаркие ночи, окончил училище и уехал по распределению на Север, даже не зная о беременности подруги.

– Срок – 21 неделя, – равнодушным тоном сказала врач-гинеколог, внося информацию в карту беременной.

– Что? Какой срок? О чем вы? – бормотала девочка, испуганно моргая глазами. Конечно, она догадывалась о причинах недомогания, но как же ей хотелось, чтобы все оказалось ошибкой! Нина поймала себя на мысли, что, если ей сейчас поставят какой-нибудь страшный диагноз, она обрадуется ему больше, чем подтверждению своих страхов.

– Какой срок? – насмешливо переспросила врач, наконец подняв глаза на пациентку. – Беременности, конечно... И судя по вашей реакции на мои слова, радости вы сейчас не испытываете, правильно я вас понимаю?

Девушка смотрела огромными глазами на врача и не знала, что ответить. Мысли неслись с огромной скоростью: «Сказать, что хочу сделать аборт? Но это больно и страшно... И рожать страшно... А дальше я что буду делать? Как же я хочу повернуть время вспять! Как же я хочу, чтобы ничего этого не было!»

– Милочка, если вы сейчас думаете о том, чтобы сказать мне про аборт, то можете даже не утруждаться: 21 неделя – слишком большой срок для прерывания беременности без медицинских показаний. Я направления не дам – не буду брать грех на душу. И вам, моя хорошая, не советую – убийство младенца еще никому с рук не сходило...

Слова врача словно хлыстом ударили Нину, и, выйдя из женской консультации, она запретила себе даже думать про аборт. Теперь ее мысли были заняты предстоящими родами, конечно же ужасными и мучительными. Войдя в положение напуганной роженицы, Нину положили в роддом за неделю до предполагаемой даты, и, как оказалось, очень своевременно – вечером того же дня отошли воды.

Роды были стремительными, и уже через четыре часа новорожденная издала свой первый в жизни крик. Молодую маму, которая достойно выдержала это испытание, отвезли в послеродовую отдохнуть, а малышку забрали неонатологи.

Утром всем принесли детей на кормление. Нине тоже протянули маленький кулек, который она недоверчиво приняла. Молодая мать заглянула внутрь – в этот момент палату осветило запоздалое осеннее солнышко и на головке ребенка вспыхнул золотисто-рыжий пушок, словно нимб. И тут же Нина поняла, как назовет дитя, – Лица. Лица – божественный лик...

Шло время, Лица подрастала. Неказистая рыжеволосая девчушка с веснушками, заразительно хохочущая во дворе с подружками, к 12 годам превратилась в довольно миловидного подростка. Невысокая, стройненькая, ладненькая, она смотрела на мир ясными голубыми глазами и улыбалась всем встречным нежными губками. А когда Лица смущалась или неловко себя чувствовала, розовый румянец заливал ее щеки. Она была прелестна в этом девичьем смущении и стеснении.

В отличие от сверстниц, Лица в этом возрасте не вертелась перед зеркалом, не экспериментировала с декоративной косметикой, не пыталась стать взрослее, чем она есть на самом деле. Наоборот, ей очень нравилось быть ребенком, ей нравилось быть дочкой, нежно прижимающейся к своей маме.

Между Ниной и Ликой царили совершенно особые отношения – мать и дочь были словно единое целое. Всю свою любовь и нежность сирота Нина вылила на крошечное существо с рыжими волосиками, каждую свободную секунду она уделяла дочери, гуляла с ней, купала, занималась. Нина очень хотела, чтобы девочка выросла образованной, начитанной и самостоятельной, чтобы у нее была гораздо лучшая жизнь, чем у матери.

Особенно Нина с Ликой любили лежать по вечерам в кровати, прижимаясь друг к другу, и читать книги. Пока Ли́ка была совсем крошкой, Нина немного уставшим, но ласковым голосом читала дочери сказки и детские рассказы и повести, но как только девочка подросла и пошла в школу, почетная обязанность читать перед сном перешла к ней. Прижимаясь к матери и вдыхая ее знакомый с рождения запах, Ли́ка тоненьким голоском складывала слоги в слова, стараясь при этом не потерять нить повествования. И даже сейчас, в свои 12 лет, Ли́ка все так же читала при свете ночника маме книги, только теперь выбирая ту литературу, где хоть что-то говорилось о любви.

А еще Ли́ка любила смотреть, как собирается мама: как она выходит из душа, завернутая в старое махровое полотенце, как вытирает свое стройное тело, как надевает кружевное белье, тонкие чулки, трикотажное платье, так красиво обтягивающее фигуру... Лике нравилось, как мама расчесывает волосы, совсем не такие рыжие, как у дочки, как флакончиком духов легко касается запястья и шеи. В этом утреннем ритуале, по мнению Лики, было столько прекрасного, что у нее захватывало дух и она забывала о том, что ей самой надо собираться в школу.

Но больше всего Лике нравилось просыпаться по выходным вместе с мамой. Еще не открывая глаз, Ли́ка «вдыхала маму» – запах ее волос, кожи, духов, и это было самое прекрасное начало дня. Балансируя между сном и бодрствованием, она ждала, когда мама ласково крикнет из кухни: «Рыжик, просыпайся! Мы сейчас будем завтракать!», а потом резво вскакивала с кровати и бежала за стол в предвкушении удовольствия от маминых блюд.

Это было простое детское счастье, и Ли́ка даже представить не могла, что когда-нибудь в ее жизни что-то изменится.

Глава 2

Но изменения все-таки происходили. Мама все меньше и меньше времени проводила с дочерью, все позднее и позднее возвращалась домой. Всегда веселая Нина теперь чаще всего была погружена в какие-то одной ей известные мысли. Рыжик подсознательно чувствовала, что что-то происходит, но понять, «откуда дует ветер», пока не могла. А ведь все было очень просто – в жизни одинокой женщины появился мужчина.

Роман Теньков был довольно известным телеведущим. Зрители прилипали к экранам телевизоров, когда подходило время ток-шоу «За закрытой дверью».

Суть популярной передачи заключалась в моделировании семейных отношений и рассмотрении различных вариантов развития той или иной проблемы. Зритель таким образом мог «примерить» на себя любую ситуацию. Создатели ток-шоу сыграли на таком естественном для человека качестве, как любопытство. Они дали возможность заглянуть за закрытые двери столичных квартир и увидеть, как живут другие семьи. Напористо, лихо и немного беспардонно ведущий ток-шоу, молодой, яркий, по-мужски привлекательный Роман, влезал в самую гущу семейного конфликта, давая возможность зрителям насладиться «грязным бельем», а потом с приглашенными гостями разбирал проблему и искал единственно верный выход из ситуации. В ток-шоу «За закрытой дверью» выход всегда находился, и именно это создавало такую бешеную популярность передаче – ведь она вселяла веру людей в то, что неразрешимых проблем просто не существует, надо лишь во всем спокойно разобраться.

Еще недавно Нина, сама не смотревшая телевизор, только слышала от соседок и бабушек на лавочке возле подъезда об известном ток-шоу «За закрытой дверью». А ее сотрудницы даже поговаривали, что будто бы в то время, когда передачу транслировали по телевизору, уличная преступность становилась меньше. Судить, насколько это соответствует истине, Нина, конечно, не могла, но вот слушала пересказы прошедших выпусков с удовольствием... И не могла даже представить, что однажды встретится глазами с черноглазым брюнетом с длинными ресницами, чувственным ртом и черной щетиной...

– Привет, подружка, приглашаю тебя на день рождения! Мне муж такой сюрприз сделал! Он говорит мне: «Хватит стоять в свой праздник у плиты, а потом полночи мыть посуду, давай лучше в ресторан всех пригласим». Представляешь, у меня впервые будет день рождения в ресторане!

– Машенька, это так здорово, но я, наверное, не приду. Ты прости, пожалуйста, но я с Ликой лучше побуду.

– Ты что? Я на тебя обижусь-обижусь! Нинка, не дури, приходи! В кои-то веки мы можем погулять, натанцеваться! Я попрошу мужа, он тебе такси потом вызовет, чтобы ты к дочери поскорей приехала!

– Ну, не знаю даже... Я подумаю, Марусь... Я подумаю...

Нина положила трубку. Ей на самом деле не очень хотелось в ресторан, в шумное общество, она бы лучше посмотрела с Ликой мультфильмы, обсудила школьные дела, сходила бы в парк или приготовила бы вкусный ужин. Но, с другой стороны, Маша так радовалась тому, что будет принимать гостей в ресторане, что отказывать подруге совсем не хотелось. Нина приняла для себя решение и стала обдумывать, в чем пойти на торжество.

Нина сразу поняла, что этот мужчина – особенный. Его лицо казалось смутно знакомым, но вспомнить, где именно она видела излучающего благополучие и достаток человека, она не могла. «Наверное, это кто-то известный», – подумала женщина, наблюдая за тем, как гости вереницей подходят к нему, здороваются, что-то говорят. Нина подходить не стала,

она просто смотрела на красивого молодого мужчину и чувствовала, что в ней просыпается Женщина, которая когда-то давно уснула, уступив место Матери.

– Нина, познакомься, это мой хороший знакомый, Роман Теньков, – мягким баритоном сказал Володя, Машенькин муж. – Хотя ты, наверное, уже и сама поняла. Разве сейчас есть человек, который не знает Романа Тенькова? – смеясь, продолжил Вова.

– Есть, – покраснев, призналась Нина. От странного смущения она даже не знала, что сказать дальше. Ей очень хотелось заинтересовать этого красавца, но от волнения никак не могла найти нужных слов, поэтому просто молчала и улыбалась. Но именно это милое и трогательно молчание вместо обычных «дайте автограф» или «давайте познакомимся» зацепило известного телеведущего.

Вечер в честь дня рождения Маши положил начало общению мужчины и женщины, которое через некоторое время переросло в любовь.

Наконец наступил тот день, когда Роман впервые остался у Нины... Правда, первая ночь прошла на детском диванчике Ли́ки, потому что девочка по-хозяйски расположилась на материнской кровати, раскидав руки и ноги во все стороны.

Ли́ка проснулась от запаха яблочного пирога с корицей. Весеннее солнышко светило в окно и зажигало ярким огнем рыжие волосы девочки, копной рассыпанные на подушке. Ласковая улыбка пробежала по губам: «Мама дома, сейчас мы с мамой будем завтракать». Она ловко выбежала на кухню в ночной рубашке, которая открывала стройные девичьи бедра, и остолбенела – рядом с мамой стоял мужчина.

Впервые Ли́ка видела мужчину на их с мамой кухне, а тем более ранним утром. Она вопросительно посмотрела на мать, неожиданно испытав ревность.

– Доброе утро, мой Рыжик. Познакомься, это Роман, мой хороший друг, – сказала Нина, и Ли́ка увидела, какой нежностью засветились глаза мамы.

– Доброе утро, – буркнула Ли́ка, пока еще не поняв, как надо реагировать на сегодняшнего гостя.

– Ромочка, садись, позавтракаем все вместе, – сказала Нина, наливая чай в чашки и разрезая пирог.

Ли́ка хмуро смотрела в чашку и думала: «Ромочка... Имя-то какое дурацкое! Вон у Аньки попугая так зовут! Фу! Ромочка какой-то!» Двенадцатилетняя девочка не могла понять, откуда в ней столько злобы, она просто чувствовала, что мама теперь не будет принадлежать ей целиком и полностью, что этот чужой дядька всегда будет сидеть между ними на кухне и пить чай из их с мамой чашек. «А если он мужем маминым станет? – продолжала терзаться вопросами Ли́ка. – И спать теперь я одна буду! И прогулок с мамой больше не будет! И читать на ночь книги мы с ней перестанем!»

Ли́ка ковыряла пирог пальцем и жалела себя: ей было очень страшно, она понимала, что грядут перемены, и казалось, что ничего хорошего они не принесут. Изредка дочь поднимала голову и смотрела на маму в надежде, что та увидит ее состояние и успокоит ее так, как умеет только она, но растревоженную душу девочки Нина не успокоила.

Нина сама не очень понимала, как правильно объяснить ребенку появление этого мужчины в их жизни и что надо сказать, чтобы изменение привычного уклада прошло с меньшими потрясениями для подростка. Мать смотрела на дочь и надеялась, что со временем Ли́ка полюбит Рому, ведь такого замечательного мужчину нельзя не полюбить. На этой радостной ноте женщина успокоилась.

Глава 3

Прошло полгода, и Лике исполнилось 13 лет. Роман, как и думала девочка во время первого знакомства, стал постоянным гостем, и она даже немного привыкла к присутствию этого красивого мужчины в их жизни. И хотя никаких родственных чувств дядя Рома не вызывал, но им можно было хвалиться в школе – все-таки ток-шоу Романа Тенькова знали почти все, а тех, кто оказывался не просвещенным в вопросах массовой информации, Лика с подругами тут же «наставляли на путь истинный». В общем-то такое знакомство иногда было даже полезным: Лика с Анькой, школьной подругой, были единственными в классе, кто побывал в Останкине, куда дядя Роман их возил, а еще дома появилось много вкусных фруктов и конфет, а еще они втроем иногда ужинали в хороших ресторанах.

В общем, к своему тринадцатилетию Лика почти смирилась с тем, что этот мужчина отнял у нее маму, и даже перестала дичиться его и иногда называла просто по имени – Рома, показывая тем самым, что тот завоевал ее доверие. Жизнь потекла довольно спокойная: Лика ходила в школу, Нина работала, а Роман каждый вечер приезжал в эту небольшую, но уютную двухкомнатную квартиру и оставался до утра.

Так было до тех пор, пока Лика не почувствовала тянущую боль внизу живота. Еле отсидев шесть уроков в школе, Лика поплелась домой. Ей так хотелось прижаться к маме, вдохнуть ее запах, рассказать, как ей больно и плохо, выпить теплого чая. «Скорее бы мама с работы пришла, – думала несчастная Лика. – Что ж так тоскливо и больно? Может, это месячные, про которые рассказывают некоторые девчонки? А почему тогда я не истекаю кровью? А что мне делать, если кровь сейчас польется? А если это не они? А если я умираю?» Сотни вопросов терзали мозг Лики, и больше всего на свете она сейчас хотела, чтобы Рома сегодня не приезжал к ним, чтобы она побыла с мамой наедине.

Открыв дверь, Лика была очень удивлена, увидев маму на кухне. Бросив портфель на пол, девочка кинулась к женщине, мечтая рассказать ей все-все, о чем думала по дороге из школы, но мама опередила дочь.

– Рыжик, я должна тебе кое-что рассказать... Я жду ребеночка... У тебя будет братик или сестричка... Солнышко мое, ты рада?

Лика кивнула и убежала в свою комнату, громко хлопнув дверью. От обиды, ревности и еще кучи совершенно новых для нее чувств девочка расплакалась. Она долго рыдала в подушку, жалея себя, пока не уснула... Лика не слышала, как мама стучалась и звала ее на ужин, как просила впустить и поговорить... Лика не слышала, как Роман звал девочку, чтобы сообщить важную новость... Лика не слышала, как мужчина сделал предложение женщине, носившей его ребенка... Лика крепко спала, а когда проснулась, обнаружила на простыне и трусиках кровь – у Лики началась первая менструация, о которой она так и не сказала матери, затаив на нее обиду.

Нина и Роман расписались. Муж переехал жить к жене. Конечно, он хотел забрать новую семью в свою квартиру, но Нина настояла на том, чтобы остаться здесь – Лика в этом районе ходит в школу, у нее есть хорошие друзья и знакомые, и ломать жизнь старшей дочери, которой и так сейчас приходится нелегко, Нине не хотелось. Она очень любила дочь, своего милого Рыжика, но ослепленная счастьем, замужеством, которого у нее никогда не было, и желанной беременностью, она не замечала того, что дочка становилась все более хмурой, все больше и больше замыкалась в себе. Уже редко звучал ее веселый смех, уже не осталось ласковых объятий и поцелуев на ночь, и все чаще раздавалось бесстрастное «мам» вместо ласкового «мамуля»...

– Не переживай, это просто переходный возраст, – со знанием дела говорила Маша, мама двух мальчишек-подростков. – Ты не представляешь даже, что творится у нас дома, – сплошное «мать, я жрать хочу!».

– Маш, но она такая ласковая всегда была, – тревожилась Нина, – я не знаю, как к ней подойти. Что я ей скажу? Что люблю ее больше, чем дочку, которую ношу? Но это же неправда.

– Нинок, успокойся, пройдет года два, у нее появятся ухажеры, и она перестанет так ревниво относиться к тебе... Потерпи...

– Маш, ну я не виновата, что встретила свою любовь! Что жду ребеночка, которого очень хочу! Я же не виновата, правда?

– Ты в своем уме? – возмутилась подруга. – Ты о чем вообще говоришь? Ты 12 лет отдала дочери, не видя ничего вокруг! Ты вырастила ее одна, без бабушек и дедушек, отдавая ей все, что у тебя было! Ты на долгих 12 лет забыла про себя и сейчас имеешь полное право вспомнить о том, что ты женщина! Не надо растить из дочери эгоистку, которая не видит ничего, кроме своих желаний!

– Маша, не называй мою дочь эгоисткой! Она росла без отца, многого была лишена, а сейчас она просто ревнует к появлению сестренки, – тут же встала на защиту Лики Нина. – Просто поговорю с ней, и она все поймет...

Разговор подруг на эту тему закончился – обе сошлись во мнении, что с Ликой надо просто серьезно поговорить и объяснить, что она такой же член семьи, как и не появившаяся пока на свет сестренка, что ее по-прежнему любят и очень в ней нуждаются. Но либо Нина не нашла нужных и правильных слов, либо Лика не захотела выслушать ее и попытаться понять, но Рыжик по-прежнему сторонилась матери и ее мужа и старалась как можно меньше времени проводить с ними.

Малышка появилась на свет жарким июльским днем. До рождения сестренки Лика почти не виделась с мамой – девушка целыми днями гуляла на улице с оставшимися в городе друзьями. Потом Роман увез Нину в роддом, а Лика осталась одна. С одной стороны, у нее появилась возможность гулять со взрослыми ребятами допоздна, потому что Теньков целыми днями был занят на телевидении, а вечера просиживал с женой и крошечной дочкой, а с другой стороны, в те долгие летние дни Лика особенно чувствовала свое одиночество: мамы, пусть даже уже не такой близкой, как раньше, но все равно очень любимой, дома нет, Роме тоже нет дела до старшей девочки, подружку Аньку отправили на все лето в деревню, и никто не подумал о ней, Лике.

– Эта маленькая дрянь отняла у меня маму, – твердила Лика по ночам, сидя на подоконнике и наматывая рыжий локон на палец. – Она только появилась, и все, моя любимая мамочка стала ее мамой, а я теперь буду совсем никому не нужна.

С приездом мамы из роддома с крошечным розовым кулечком в руках жизнь старшей дочери не стала лучше: ей казалось, что все внимание и вся любовь доставались только малышке; подарки, покупки, заботы и тревоги – все было только для этого черноволосого лягушонка.

– Ты представляешь, Ань, – жаловалась Лика своей подруге, когда та вернулась от бабушки в город, – шуметь нельзя, отвлекать маму нельзя, с вопросами приставать нельзя! А что тогда можно? Я только и слышу: «малышка спит», «малышку пора купать», «малышку надо кормить»! А про меня в этом доме вспомнят когда-нибудь?! Вот ты мне скажи, что мне надо сделать, чтобы на меня обратили внимание, а?

Аня не понимала страданий подруги, ведь у самой был старший брат, с которым ей очень нравилось играть, гулять, даже ругаться и драться нравилось.

– Как ты можешь не любить сестренку? – в недоумении спрашивала Аня. – Она же такая маленькая, такая хорошенькая. Она слабенькая, поэтому ей нужна твоя помощь.

– Хватит ей помощи мамы и Романа! – огрызнулась Ли́ка. – Кто мне помощь окажет, я тебя спрашиваю?

– Ли́ка, так нельзя, – учила добрая Аня. – Вот я бы очень переживала, если бы мой брат так плохо ко мне относился. Вы же одна кровь, вы же семья!

– Она не моя кровь и не моя семья! – закричала Ли́ка и гордо пошла к дому. Рыжая девушка очень злилась на свою подругу за то, что та не поняла ее страданий и не поддержала их, но чем дальше она отходила от Ани, тем тревожней ей становилось – это была их первая ссора с самого детского сада.

Уже жалея о своей несдержанности, Ли́ка подошла к дверям квартиры и тут обнаружила, что ключи она забыла дома.

– Вот ведь! – воскликнула девушка и пнула ногой дверь.

Как ни странно, на стук никто не вышел. Тогда Ли́ка нажала на дверной звонок – трель раздалась в глубине квартиры, но домой ее не пустили. Ли́ка звонила и звонила, но безрезультатно. В конце концов она села на ступеньки и стала ждать... Не может же быть такого, что ее просто выгнали из дома?

Через полчаса приехал Роман и открыл дверь, впустив злую и уставшую старшую дочь.

– Мама! – закричала Ли́ка. – Ты почему мне дверь не открывала?!

– Тише, – зашептала уставшая Нина, – ты что так орешь?

– Ты почему мне не открыла дверь? – с вызовом, но уже гораздо тише, снова спросила дочь.

– Потому что купала малютку. Я даже не слышала, что ты звонила, – вода, наверное, шумела.

– Черт, мама! Я из-за этой вашей малютки полчаса под дверью просидела! – опять перешла на крик Ли́ка.

– Сию секунду успокойся! – строго сказал Роман и, спасая семью от надвигающегося скандала, продолжил: – Сходи-ка лучше за детским питанием, помоги маме. Только ключи взять не забудь, а то опять просидишь под дверью.

Ли́ка хмуро побрела в магазин. «Вот, теперь мне вообще поговорить не с кем, – жалела себя девушка. – Мама все время с малявкой, Роме я вообще не нужна – я же не родная дочь, с Анькой поссорились... Как же я хочу, чтобы все было как раньше! Вот было бы здорово, если бы этого ребенка не было вообще: мама с Ромой меня бы одну любили, сильно-сильно!»

Купив молочных смесей, Ли́ка вышла из магазина и остановилась перед палаткой с мороженым. Летнее солнце уже уходило за горизонт, но от асфальта пекло. В такую жару очень хотелось, чтобы холодная сладкая вязкая масса оказалась во рту. Достав кошелек, Ли́ка подошла к палатке и протянула деньги.

– Фруктовый лед, пожалуйста, – грустно произнесла девушка.

– Вот, пожалуйста. Только ешь осторожно, не спеша, потому что сейчас очень легко заболеть от холодного, – предостерегла сердобольная продавщица.

Откусывая огромные куски мороженого, Ли́ка чувствовала, как лед обжигает ей горло: «Да, так и правда заболеть недолго».

Ли́ке пришла в голову грандиозная идея – наестся льда, чтобы заболеть сильно-сильно, тогда мама и Рома будут сидеть рядом с ней, заботиться о ней и забудут про маленькую сестру... «А потом я умру, – думала девушка, – и они будут плакать, поняв, кого они потеряли. Мама будет безутешна, она даже начнет обвинять Рому и сестру, что по их вине погибла я, ее солнышко, ее Рыжик...»

Однако следующая мысль Лики была уже не столь сладостной: «Да, пройдет много лет, меня они забудут, а вот сестра у них останется, и тогда они ее будут любить за двоих... Нет, так не пойдет. Надо, чтобы было наоборот, сестра случайно умерла, тогда они меня будут любить за двоих... Я же их утешать буду, заботиться о них...» Теперь Лица унеслась мыслями в мечты, когда она будет снова единственным ребенком, которого любят и мама, и папа...

Через несколько дней Лица собралась гулять с новыми знакомыми, потому что с Аней они так и не помирились. Девушка намеревалась насладиться последними деньками перед школой, однако у мамы были совсем другие планы на старшую дочь.

– Милая, будь добра, приди к обеду, – спокойно сказала Нина, выйдя в коридор с малышкой на руках.

– Это зачем? – несколько дерзко спросила Лица. Она весь день сегодня была зла на весь мир: у нее болели живот и голова, сестренка рыдала полночи и не дала поспать, а Аню она сегодня видела из окна – та довольная и счастливая шла гулять со старшим братом и его компанией.

– Рыжик, мне надо, чтобы ты посидела немного дома с сестричкой, пока она будет спать. Я хочу сбежать в парикмахерскую, хоть подстригусь немного, а то на чучело похожа, – объяснила Нина.

– Ну мам! Я не хочу сидеть с мелкой! Я гулять хочу! – заканючила Лица.

– Хорошо, солнышко, ты погуляй с ней. Я тебе вынесу коляску, и ты походишь с малышкой по району, – радостно согласилась мать.

– Ой, нет! Не буду я позориться с ней! Ты хоть подумала, что обо мне друзья скажут, когда меня с коляской увидят?! – закричала Лица. Тут же заплакала Ариша, испугавшись крика сестры. Нина рассердилась – Лица опять дерзит, Арина опять плачет. Как ей надоело это!

– Значит, так, юная леди! – строго, но спокойно сказала Нина, хотя внутри у нее все трепетало от злости на старшую дочь. – Ввиду того, что рассчитывать на твое своевременное возвращение не приходится, гулять ты никуда не идешь, ты остаешься дома и успокаиваешь сестру, которая по твоей милости снова плачет. Я уйду сначала в магазин, потом в парикмахерскую.

Нина передала Лике плачущую сестру и пошла в комнату одеваться. «Нехорошо, конечно, – думала Нина, надевая летнее платье, – но, с другой стороны, должна же у Лики быть хоть какая-то ответственность. Она ни секунды не провела с сестренкой, так тоже нельзя... Надо оставить ей бутылочку для Аришки, чтобы полегче было... Да показать, где памперсы лежат... Страшно-то как, я еще ни разу так надолго не оставляла ребенка...»

Мысли скакали, но женщина продолжала одеваться – надо было довести задуманное до конца, тем более что в салон она все равно записалась. «Да, надо привести себя в порядок, – продолжала мысленно разговаривать сама с собой Нина. – Я такая неухоженная стала с этой беременностью, родами... Скоро Ромочка перестанет смотреть на меня как на женщину, там, на телевидении, все в гриме, ухоженные, красивые, а я... я потолстевшая, подурневшая, с отросшими корнями... Да, сегодня меня приведут в порядок, и мы с Ромочкой устроим себе романтическую ночь...»

Пока Нина размышляла и одевалась, Лица положила сестру на свой диванчик и уставилась на нее: «Из-за тебя, маленькая дрянь, я не пойду гулять! Конечно, мама придет вся красивая, Рома будет крутиться вокруг нее, они все будут крутиться вокруг тебя, и никто не вспомнит, что это я, согласившись посидеть с тобой, устроила им праздник... Как бы было хорошо, если бы тебя не было... Аришка, словно прочитав мысли старшей сестры, а может, из-за того, что родной запах мамы сменился на какой-то чужой, совсем новый, зашла в новом приступе плача.

Хлопнула дверь – это Нина ушла, и Ли́ка, зажав уши от пронзительного крика сестры, выскочила в коридор. Мама все-таки бросила ее одну с этим гадким ребенком! «Как же я ненавижу это орущее чудовище!» – воскликнула Ли́ка и, не отдавая отчета в своих действиях, бросилась к холодильнику. Со злостью вытащив кубики со льдом, она высыпала их в полиэтиленовый пакет, положила свое орудие мести прямо на крошечную грудку младенца, под распашонку, и вышла из комнаты, закрыв дверь, чтобы не слышать душераздирающие крики сестры.

Ли́ка сидела на кухне и смотрела в окно, пытаясь вернуться в состояние злости и отчаяния, в котором она действовала. Девушка хотела оправдать свой поступок: мол, меня никто не любит, все заняты только сестренкой, но прежних чувств уже не было... «Мама по-прежнему любит меня, – думала Ли́ка, – просто она Ариной занята. Это я уже большая, все сама могу, а эта мелочь же ничего не умеет. Мне кажется, что мама даже меня больше любит, чем ее, все же меня она знает уже 13 лет, а ее – только два месяца. Да и Рома ничего, вот любые шмотки мне покупает, я в прошлом году вообще самая модная в классе была. Да и на телевидение нас с Анькой возил... Анька... Анька была права... Кстати, надо будет с ней помириться... Да, Анька была права, это же моя сестра, надо же защищать друг друга... Ой, боже! Что же я натворила?!»

Ли́ка метнулась в свою комнату, где на ее диване лежала малышка с пакетом льда на тельце. Ариша уже не плакала. Ребенок вяло смотрел на старшую сестру. Девушка схватила малютку, вытащила пакет со льдом и бросилась с младенцем на руках в комнату родителей – искать что-то теплое. Укутав Аришу одеялом, Ли́ка бросилась за бутылочкой со смесью и стала совать в рот крошке, надеясь, что это может как-то извинить ее, но Ариша отворачивала личико и соску в рот не брала... Через какое-то время утомленная малышка уснула, а Ли́ка села перед кроваткой и смотрела на крошечные ручки сестренки, на ее маленький аккуратный носик, на нежные губки бантиком. Ли́ка мучилась от угрызений совести: оказывается, она по-своему любит это крошечное существо, которое стало ей сестрой, и совсем не хочет, чтобы с ней что-то случилось.

Когда Нина вернулась домой, она увидела Ли́ку, сидящую перед детской кроваткой, и спящую Аришку. В доме была гробовая тишина... Ли́ка повернула голову и затравленно посмотрела на маму – она не знала, рассказывать ей про случившееся или нет... А мама стояла в дверях такая красивая, помолодевшая и так нежно смотрела на своих дочерей, что у Ли́ки просто не повернулся язык рассказать правду... «Дай бог, все обойдется», – подумала про себя Ли́ка и крепко прижалась к матери.

К вечеру у ребенка поднялась температура. Ли́ка вместе с мамой и Ромой ухаживали за заболевшей девочкой, но Арине становилось все хуже и хуже. Через пять дней Нину вместе с младшей дочкой забрали в больницу с подозрением на пневмонию.

Из больницы Нина вернулась одна – Ариша не выжила.

Ли́ка хорошо запомнила похороны сестры: убитая горем, разом постаревшая мама, посеревший от страданий Роман и маленький голубенький гробик, который опускали в холодную землю рабочие кладбища. Может, и были еще какие-то люди рядом, желавшие разделить горечь утраты, но Ли́ка видела только своих близких, которым она принесла столько горя.

Глава 4

Свой 14-й день рождения Ли́ка не отмечала. Смерть малышки так сильно потрясла маму и Рому, что каждый день для них был словно восхождение на Эверест. Роман был вынужден продолжать свое ток-шоу, причем делать это так, чтобы никто не узнал, какая трагедия случилась в его семье, а вот Нина на работу не вернулась. Выше ее сил было видеть сочувствующие взгляды подруг или торжествующие глаза завистниц. Рома съездил в отдел кадров жены и забрал трудовую книжку. Надо было что-то решать, тем более что и Ли́ка, к удивлению мужчины, была сама не своя от горя – школу забросила, хотя подходил уже конец первой четверти, не гуляла, ни с кем не общалась. И мать, и дочь днем ходили теньями по квартире, смотрели на пустое место, где когда-то стояла кровать Ариши, подходили к полочке, куда ставили детское питание... А по ночам горько плакали в подушку...

И тогда Роман решил сменить место жительства. Продав свою квартиру и вложив все имеющиеся у него средства в покупку новой недвижимости, Теньков теперь имел довольно широкий диапазон вариантов.

В итоге был куплен симпатичный особнячок в одном из элитных поселков ближайшего Подмосковья, и семья занялась переездом. Вынужденные хлопоты слегка взбодрили женщин, и Новый год Теньковы встречали уже на новом месте. Нина занялась устройством нового жилья, пытаясь создать уют и комфорт, а Ли́ка готовилась снова пойти в школу, вернее, в лицей, где учатся дети состоятельных родителей. Жизнь постепенно приобретала светлые тона.

Ли́ка до сих пор помнит тот день, когда Роман привез их с мамой посмотреть новый дом. Кирпичный особняк стоял за высоким забором на зеленой лужайке, сзади был теннисный корт, огороженный сеткой, а через большие стеклянные окна первого этажа виднелась голубая гладь бассейна.

– Мамочка, мы будем жить как принцессы! – воскликнула Ли́ка, забыв на мгновение о своих мыслях, чувстве вины перед матерью и скорби по малышке, в смерти которой была виновата.

– Да, Рыжик, как принцессы. Мы это заслужили, – согласилась Нина, и легкая улыбка впервые озарила ее лицо.

Несмотря на то что Ли́ка слишком много пропустила в начале школьного года, оценки за последнюю четверть были отличными. Помогли и репетиторы, которых нанял Роман для девушки, и природная сообразительность Ли́ки, которой все давалось легко, и хороший преподавательский состав, которым славился этот элитный лицей. На два летних месяца почти весь класс обеспеченные родители отправили на Мальту, в летний лагерь с углубленным изучением английского языка. Естественно, Теньковы отправили и Ли́ку: с одной стороны, они решили порадовать девочку – пусть не отрывается от коллектива, а с другой стороны, мужу и жене хотелось побыть вдвоем и насладиться своей любовью.

Ли́ка вернулась в начале августа. Она вышла в зал ожидания, где встречал ее Роман с мамой, – повзрослевшая, постройневшая и загорелая. Белая маечка обтягивала ее подростковую грудь и оттеняла шоколадный цвет кожи, рваные джинсы висели на бедрах и приковывали взгляды мужчин, рыжие волосы выгорели на солнце, и теперь то тут, то там мелькали белые локоны, придававшие девочке некую изысканность. Ли́ка двигалась плавно и мягко, словно рысь, она была вся исполнена грации и изящества. Но в тот момент, когда девушка увидела маму с отчимом, она рванула к ним, словно маленький ребенок, бросив свой ярко-розовый чемодан. Миг – и она уже висит на маме, покрывая ее поцелуями, и в порыве счастья от встречи бросается на шею Роману. Вдруг наступила какая-то секундная неловкость,

и смущенная Лица сползла с отчима и отвела глаза. Роман закашлялся и пошел поднимать чемодан падчерицы, а мама с дочкой, обнявшись, направились к машине, по дороге делясь своими новостями.

Лица с восторгом рассказывала об уроках, о дискотеках и клубах, куда они ходили, об экскурсиях и даже, смутившись, рассказала о Владе, однокласснике, который стал за ней ухаживать. Мама слушала дочь и улыбалась – ее новость будет сказана попозже, когда выговорится Рыжик.

– Солнышко, у нас тоже кое-что случилось, – осторожно начала Нина. – Я снова жду ребеночка...

– Ммм... поздравляю, мама, – выдавила из себя Лица, прислушиваясь к своим ощущениям. – Это будет очень здорово, если у вас с Ромой будет ребенок.

«Интересно, как теперь все это будет? – размышляла девушка, разбирая вещи в своей комнате. – Они опять про меня забудут? Или теперь я все-таки для них самая важная фигура? Они так радовались, когда увидели меня в аэропорту. Да, все-таки они меня очень любят, даже Рома... Кстати, Рома такой красивый мужчина... Я понимаю маму, почему она обратила на него свое внимание... Я бы тоже... Он потрясный, намного красивей и сексуальнее, чем Влад... Хотя Влад тоже очень хороший... Нет, Рома, безусловно, лучше...» С этими мыслями Лица спустилась вечером к ужину, и первое, что ей попало на глаза, – это домработница, которой раньше не было.

Вопросительно взглянув на маму, Лица ждала объяснения.

– Солнышко, Ромочка освободил меня от всех домашних дел. Из-за беременности. Это Марья Владимировна, она теперь живет с нами в доме и взяла на себя все обязанности, – как-то суетливо объяснила Нина.

– Здравствуйте, Марья Владимировна, – чинно сказала Лица, – очень приятно с вами познакомиться.

– Здравствуйте, Лица, – в тон ответила домработница, – мне тоже приятно познакомиться. Прошу к столу.

Лица наслаждалась домашней кухней, от которой отвыкла за два месяца. Марья Владимировна готовила очень вкусно, но Лица почему-то с грустью вспомнила мамины блюда: «Неужели я никогда больше не почувствую вкус маминых пирогов? Или курочки с хрустящей корочкой?». И тут девушке на глаза попала бутылка виски. Отложив вилку, Лица с удивлением смотрела на Романа, рядом с которым стоял полупустой бокал. «У нас в доме никто никогда не пил. И Рома никогда не пил... Ну разве что шампанское на Новый год, – думала девочка, хмуря брови. – Да и не модно это теперь. Только слабаки пьют. Не ожидала такого от Ромы».

А Роман Теньков действительно в последнее время редко когда ложился спать без двух-трех бокалов виски. Нина, которая в первые недели беременности рано чувствовала усталость и ложилась спать, не дождавшись мужа, даже не видела, что ее Ромочка по вечерам садится перед телевизором с бокалом в руке и расслабляется таким образом.

Лица проснулась ночью со странным ощущением жара внизу живота. Ей снился сон, в котором Рома, ее отчим, нежно ласкает ее на какой-то залитой солнцем лужайке, а она без стеснения поддается этим ласкам, желая, чтобы мужчина снял с нее влажные трусики. Рома просунул руку между ног... и Лица проснулась. Сердце гулко стучало в груди, и было какое-то странное томление, которое юная леди еще не могла никак трактовать. Чтобы унять душевное волнение, Лица решила спуститься вниз и попить воды.

В коротенькой шелковой пижамке розового цвета длинноногая красотка спустилась по лестнице и увидела на диване в гостиной Романа. Он полулежал перед телевизором и машинально вертел бокал с виски. Мужчина поднял глаза и увидел Лику, красивую, сонную,

со спутанными волосами. Он не отрываясь смотрел на падчерицу и испытывал совсем не отеческие чувства к этой девочке. То ли алкоголь сыграл свою роль, то ли временное отсутствие близости с женой, но Роман желал Лику, которая как замороженная шла к мужчине, облизывая пересохшие губки. Ли́ка сама не понимала, что творит, однако уверенно шла к отчиму. Она чувствовала, что соски напряглись и между ног стало влажно и горячо. Девчачьи стопы с тоненькими пальчиками оказались рядом с мужскими ногами и остановились. Через мгновение Ли́ка сидела у Романа на коленях, расставив ноги, и жарко дышала ему в шею, а мужские руки страстно сжимали девичьи ягодицы, вминая податливое тело в себя.

Ужас от происходящего мгновенно отрезвил Романа: он возжелал собственную падчерицу, пока ее беременная мать спит в их супружеской спальне. Он поднял девушку с себя, уронив тут же бокал с виски, и перекатил ее в сторону.

– Сейчас же иди спать, – хрипло и грубо сказал Роман и, резко развернувшись, направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Ли́ка с пунцовыми щеками смотрела на уходящего отчима, и ее сердце сжималось от гаммы чувств: и стыд, и неведомое ей раньше желание, и обида за то, что ее отвергли, и страх перед чем-то неизведанным волновали девушку.

Выпив воды, Ли́ка поднялась в свою комнату и уставилась в потолок: «Как же это было чудесно, волнующе! Боже, я хочу, чтобы такое повторялось каждую ночь!»

Глава 5

Каждую ночь, как мечтала Ли́ка, не получилось. Два следующих вечера отчим уходил в спальню сразу вместе с супругой, а на третий день, за ужином, состоялся важный разговор.

– Ли́ка, я тут подумал... В общем, не знаю, как ты воспримешь эту новость... – Рома не знал, как правильно начать разговор с девушкой, однако с женой он уже все обсудил и был ею поддержан. – Один из продюсеров моего шоу отправляет дочь учиться в Лондон, в колледж. Мне кажется, что тебе стоит учиться там же.

– Вы меня хотите отправить подальше, чтобы я не мешала вашему счастью? – ошеломленно произнесла Ли́ка.

– Дочка, послушай. Образование – это твое будущее. Чем престижней у тебя будет образование, тем качественней будет твоя жизнь, – начала Нина.

– Мама! Думаешь, я не понимаю, что вы просто хотите от меня избавиться?! – вскричала Ли́ка.

– Ли́ка, успокойся, – очень тихо, но строго сказал Рома. – Насильно мы тебя отправлять никуда не будем. Не захочешь – не поедешь. Однако я тебе настоятельно рекомендую обдумать это предложение.

– Рыжик мой, девочка моя, ну вспомни, как тебе было тяжело, когда родилась Ариша, – начала уговаривать Нина. – Ты очень нервничала, грубила и дерзила нам с Ромой, перестала учиться.

– И что дальше? – дерзко спросила Ли́ка. – То есть я вам создаю сплошные проблемы?

– Ну что ты, малышка, мы тебя очень любим с Ромочкой, – успокаивала Нина.

И тут, при этих словах, волна стыда и желания нахлынула на Ли́ку с новой силой: «Да, может, Рома и прав и мне действительно лучше уехать... Или остаться и все-таки соблазнить Ромочку? Как было бы здорово, если бы он сделал меня женщиной!»

– Я никуда не поеду, – перебила Ли́ка маму, которая, оказывается, все это время что-то говорила. И тут взгляд упал на мамино лицо, по которому катилась слеза. «Видимо, мама про Аришу сейчас говорила, – подумала Ли́ка. – Да, я своими руками отняла у нее ребенка. Теперь я хочу отнять мужа, которого она так любит. Что я творю? Надо скорее уезжать отсюда, прав Ромочка, прав! Что я творю? Бедная моя мамочка!»

Нина уже вытерла слезы и горячо уговаривала дочь хотя бы подумать о Лондоне, а не отказываться сразу, Роман хмуро разглядывал руки и заметно нервничал.

– Стоп, родители! – наигранно бодро сказала Ли́ка. – Я уже подумала. Я согласна. Делайте визу и платите деньги – еду я в вашу Великую Британию получать иностранное образование. И кстати, Рома, может, ты поговоришь с родителями моих подруг – вдруг они тоже решат отправить своих отпрысков в английскую даль? Мне будет не так скучно.

После этих слов Ли́ка наигранно весело вскочила из-за стола, оставив ужин, и, промчавшись через гостиную, рывком открыла дверь и бросилась в бассейн прямо в одежде.

Ли́ка с двумя одноклассницами улетела в Лондон в середине сентября, потому что занятия в колледже начинались с 1 октября, дня рождения девушки. Свое пятнадцатилетие Ли́ка отметила в общежитии английского колледжа с огромной компанией англо- и русскоговорящей молодежи, и после шумного начала нового учебного года потекла совсем другая жизнь.

Первое время Ли́ка очень скучала по маме, по ее нежному голосу, по ее запаху и ее слабой улыбке, которая нежно освещала родное лицо. «Я сделала все правильно, – говорила себе Ли́ка, лежа по вечерам в кровати. – Я сделала это ради маминого счастья. Я ей доставила столько горя, что добавить еще и измену мужа было бы чудовищным». Дочь с матерью

часто общались по телефону и электронной почте, обменивались фотографиями, и Лика, рассматривая вновь присланные файлы, с замиранием в груди ждала изображения Ромочки.

Девушка очень скучала по мужчине – та сладостная ночь была ее почти постоянной темой для эротических подростковых фантазий. Лика всех сопоставляла с Романом, но никто даже близко не мог сравниться с ее идеалом. Иногда от безысходности Лика плакала в подушку, а ее соседки по комнате терпеливо успокаивали девушку либо начинали развлекать смешными рассказами, не травя душу ненужными расспросами.

Прошло несколько месяцев, успешно были сданы экзамены за триместр, и молодежь распустили на каникулы. Лика предусмотрительно отказалась от поездки домой, хотя почти все студенты решили навестить родителей и близких. Девушка сказала маме, что тяжело перенесла перелет, поэтому еще дважды подвергать себя такому стрессу не хочет, тем более что ее новая подруга тоже тут остается, так что скучать она не будет. И хотя Лика откровенно врала про новую подружку, вечером в общежитии она оказалась не одна.

Машенька – так звали девочку, которая жила на два этажа ниже. Украинская девчонка из обеспеченной семьи тоже не полетела домой, однако у нее была совсем другая причина.

– Ты чего здесь делаешь? Дома не ждут, что ли? – спросила Лика по-английски улыбку незнакомку, которая заходила в общежитие поздно вечером вместе с ней.

– А по-русски говоришь? – ответила вопросом на вопрос Маша.

– О, так ты русская!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.